

К84
К78

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН
В НОЧЬ БОЛЬШОГО
ПРИЛИВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"

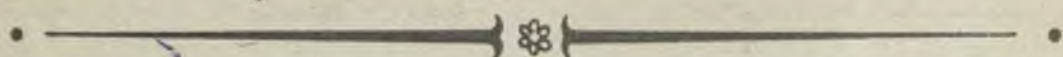

365113

СОБД и Ю
Отдел хранения

Ⓐ

БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ
И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

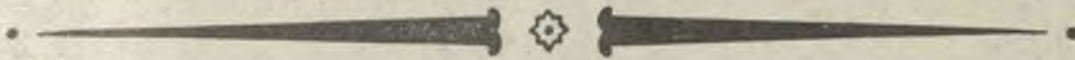

МОСКВА ~ 1983

К84
К78

БИБЛИОТЕЧНАЯ СЕРИЯ

ВЛАДИСЛАВ КРАПИВИН

365113

В НОЧЬ
БОЛЬШОГО
ПРИЛИВА

РИСУНКИ
А. МАТРЕШИНА

« ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА »

ОБЛАСТНАЯ ДЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
г. Свердловск

P2
K78

Крапивин В. П.

K78 В ночь большого прилива: Повести/ Рис. А. Матрешина.— М.: Дет. лит., 1983.—256 с., ил.— (Б-ка приключений и научной фантастики. Библиотечная серия).

В пер.: 70 к.

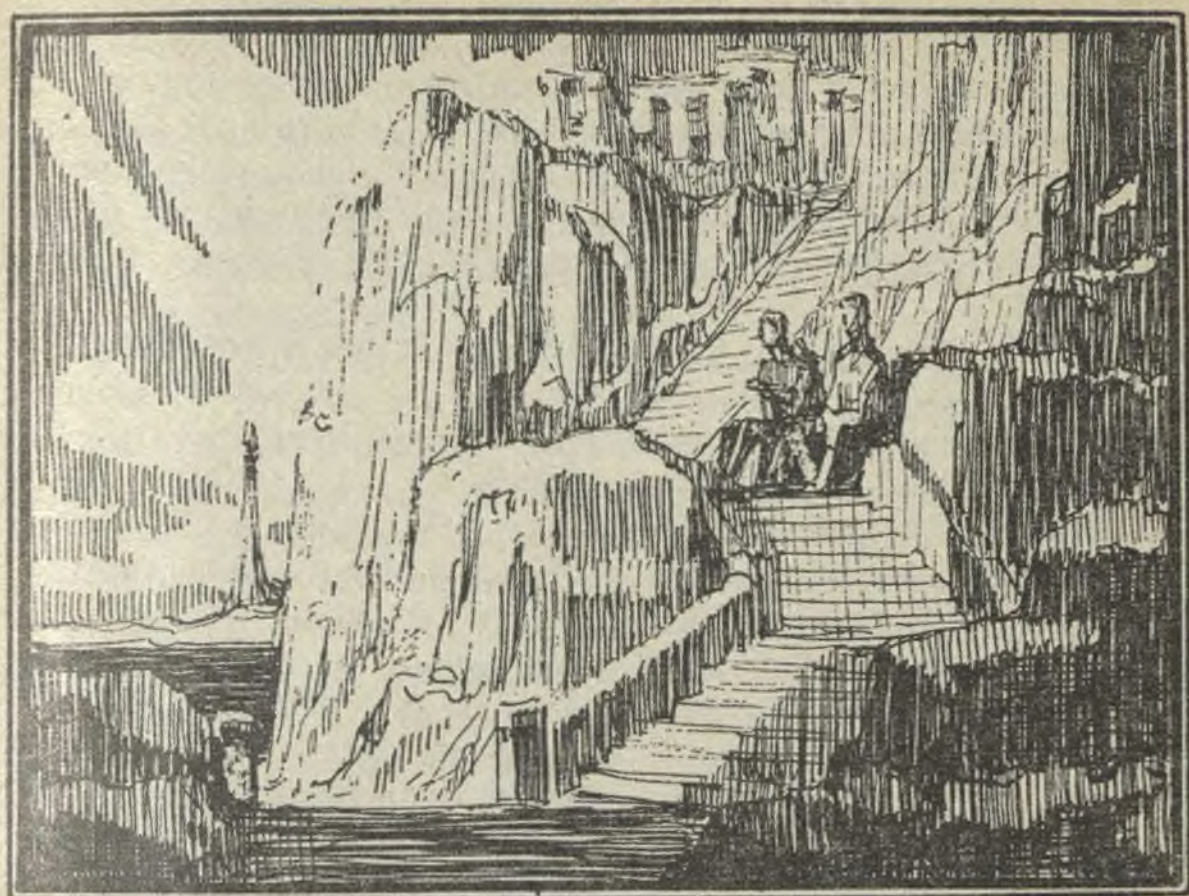
В книгу известного детского писателя включены фантастические и приключенческие повести и рассказы, публиковавшиеся ранее. «Я иду встречать брата», «Старый дом», «Баркентина с именем звезды», «Далекie горнисты» и т. д. Главное во всех произведениях то, что именно доброта и истинная дружба позволяют людям оказаться сильнее преград, поставленных перед ними пространством и временем, сильнее всех обстоятельств.

Рассчитана книга на средний и старший школьный возраст.

K 4803000000—293 507—83
M101(03)83

© СРЕДНЕ-УРАЛЬСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО, 1979 г

© ИЗДАТЕЛЬСТВО «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1983 г

Я ИДУ ВСТРЕЧАТЬ БРАТА

ЖДИТЕ «МАГЕЛЛАН»

1

Кто бывал в Консате, должен помнить узкую и крутую лестницу, вырезанную в береговых скалах. Лестница начинается у площадки с колоннадой и ведет к морю. Внизу ее отделяет от воды только узкая полоска земли. Покрытая ноздреватыми камнями и круглым галечником, она тянется между морем и желтовато-белыми скалами от Долины Юга до самой Северной Косы, где наклонной иглой пронзает небо обелиск — памятник погибшим астролетчикам.

Здесь хорошо собирать обточенные волной пестрые камни и охотиться за черными злыми крабами. Ребята

5

из школьного городка, лежащего к югу от Ратальского космодрома, по дороге домой всегда задерживаются на берегу. Набив карманы находками, ценность которых никогда не понимали и не понимают взрослые, они взбегают по высоким ступеням. Старая лестница нравится им больше, чем эскалатор, бегущий среди скал в сотне шагов отсюда.

В ту пору я только что закончил отчет о третьей экспедиции в бассейн Амазонки. Теперь целый месяц можно читать обыкновенные книги, по которым я так стосковался за эти дни напряженной работы.

Взяв томик стихов или новеллы Рандина, я уходил на верхнюю площадку Старой лестницы. Место было пустынное. В трещинах каменных плит росла трава. В завитках тяжелых капителей гнездились птицы.

Сначала я все время проводил на площадке один. Потом туда стал приходить высокий смуглый человек в серой куртке странного покроя. В первые дни мы, словно по взаимному уговору, не обращали внимания друг на друга. Но, кроме нас, здесь почти никто не бывал, и мы, постоянно встречаясь, стали в конце концов здороваться. Но никогда не разговаривали. Я читал книгу, а незнакомца все время, видимо, беспокоила какая-то мысль, и, занятый ею, он не хотел вступать в разговор.

Приходил этот человек всегда вечером. Солнце уже висело над Северной Косой, за которой громоздились белые здания Консаты. Море теряло синеву, и волны отливали серым металлом. На востоке, отражая вечернее солнце, окрашивались в розовый цвет арки старой эстакады. Она стояла на краю Ратальского космодрома как памятник тех времен, когда планетные лайнеры не были еще приспособлены к вертикальному взлету.

Придя на площадку, незнакомец садился на цоколь колонны и молча сидел, подперев кулаком подбородок.

Он оживлялся только, когда на берегу появлялись школьники. Встав на верхней ступени лестницы, этот человек следил за их игрой и ждал, когда светлоголовый мальчуган в черно-оранжевой полосатой куртке-тигровке заметит его и помчится наверх. Каждый раз он мчался с такой быстротой, что наброшенная на плечи тигровка развевалась, как пестрое знамя.

И хмурый незнакомец менялся на глазах. Он весело

встречал мальчика, и, оживленно говоря о своих делах, оба уходили, кивнув мне на прощанье.

Я думал сначала, что это отец и сын. Но однажды мальчик на бегу крикнул кому-то в ответ:

— Я иду встречать брата!

Из разговоров братьев я узнал потом, что старшего зовут Александром.

Это случилось примерно через неделю после того, как я впервые увидел Александра. Он пришел в обычное время и сел у колонны, насвистывая странный и немного резкий мотив. Я читал, но невнимательно, потому что «Песню синей планеты» Валентина Рандина знал почти наизусть. Иногда я бросал поверх книги взгляд на Александра и думал, что лицо его мне знакомо.

Был небольшой ветер. Переворачивая страницы потрепанного томика, я не удержал оторванный лист. Прощелестев по камням, он лег почти у самых ног Александра. Тот поднял его и встал, чтобы отнести мне. Я тоже встал. Мы встретились на середине площадки.

Я впервые увидел Александра так близко. Он оказался моложе, чем я думал. Морщины над переносицей делали суровым его лицо. Но Александр улыбнулся, и морщины исчезли.

— Книга, наверное, не интересная? — спросил он, протягивая листок.

— Просто очень знакомая.

Мне не хотелось обрывать разговор, и я заметил:

— Твой брат задержался...

— Он должен задержаться. А я забыл...

Мы сели рядом. Александр попросил книгу. Было удивительно, что он не знает новелл Рандина, но я ничего не сказал. Александр открыл книжку и положил на страницы ладонь, чтобы удержать листы. На тыльной стороне ладони я заметил у него белый разветвленный шрам. Александр перехватил мой взгляд:

— Это еще там... У Желтой Розы.

Я сразу все вспомнил.

— На Снежной планете?! — воскликнул я. — Александр Снег...

Необычные передачи, экстренные номера журналов, со

страниц которых смотрели Александр Снег и его три товарища,— это было совсем недавно. По всей Земле тогда с удивлением повторяли их имена.

Я видел перед собой человека, вернувшегося на Землю через триста лет после старта. Но это не было удивительным. «Бандерилья» и «Муссон» тоже плавали в космосе более двух веков. И хотя история фотонного фрегата, на котором вернулся Снег, была необычнее, чем у других, я думал не о его истории.

— Александр,— спросил я, чувствуя, что столкнулся со странной загадкой,— ведь триста лет... А мальчику не больше двенадцати. Откуда у тебя брат?

— Я знаю, ты археолог,— сказал Александр после некоторого молчания.— Ты должен чувствовать время лучше, чем другие. И понимать людей... Поможешь мне, если я расскажу все?

— Постараюсь помочь.

— То, о чем я расскажу, знают, кроме меня, только трое. Но они помочь не могут... Очень нужен чей-то совет... Только с чего начать?.. Впрочем, все началось как раз на этой лестнице...

2

Все началось на лестнице.

Нааль впервые после гибели родителей пришел к морю. Море, окаймленное широкой дугой белого города, сверкало синевой и вспыхивало белыми гребешками волн. Оно было ласковым и солнечным, словно никогда в его глубинах не гибли корабли.

Нааль спускался к воде. И чем ближе было море, тем торопливее шагал он по ступеням. И скоро он мчался во всю мочь навстречу громадной синеве, брызжущей солнцем, дышащей влажным и соленым ветром.

На неровном камне у него подвернулась нога. Нааль упал. Он ударился, но не сильно. Прикусив губу и прихрамывая, он стал спускаться дальше. Как и все мальчишки, Нааль верил, что соленая вода — лучшее лекарство от царапин и ссадин. Поэтому, сбросив сандалии, он хотел войти в воду. Но среди камней, то и дело заливае-

мых легкой волной, Нааль увидел большого черного краба. Мальчик невольно отскочил.

Но одно дело — поддаться секундному страху, а другое — струсить совсем.

Чтобы проверить свою смелость и отомстить крабу за испуг, Нааль решил поймать черного отшельника и забросить его далеко в море. Краб, видимо почуяв опасность, зашепшил и скрылся среди камней.

— Ну, держись!.. — прошептал мальчик.

Увлеченный охотой, он стал отворачивать камень.

Плоский камень плюхнулся в воду. Краб, видя, что его нашли, заторопился еще больше. Но Нааль уже не смотрел на него. На мокром гравии он увидел маленькую голубую коробку. Коробка была гладкая и круглая, как обточенный волнами голыш. Неизвестно, откуда вынесло ее к этому берегу.

Мальчик сел на гравий и стал разглядывать находку. Коробка оказалась закупоренной наглухо. Не меньше часа Нааль царапал ее пряжкой своего пояса, прежде чем сорвал крышку. Завернутый в листок старой бумаги, в коробке лежал странный значок: золотая ветка, в листьях которой запутались блестящие звезды. На стебле было выбито короткое слово «Поиск».

Разглядывая значок, Нааль забыл о бумаге. Он и не вспомнил бы, но ветер бросил смятый листок ему на колени. Мальчик стал читать, с трудом разбирая старинный шрифт. Вдруг лицо его сделалось очень серьезным. В конце листа он нашел слова, неожиданные, как громкий и внезапный звук струны.

Часа через два пришли на берег школьники. Нааль сидел на том же месте. Он уперся локтями в теплый от солнца камень и смотрел, как вырастают у берега белые гребни.

— Мы искали тебя, — сказал старший мальчик. — Не знали, что ты ушел к морю. Зачем ты один сидишь на берегу?

Нааль не слышал. Резче стал ветер, и сильно шумели волны. Вы знаете, как шумят волны? Сначала растет шум набегающего вала. Потом на камни с плеском рушится гребень. Волна, распластавшись, с шипением ползет по берегу. А ее догоняет другая...

Среди школьников Долины Юга он не выделялся ничем особенным. Как и все, любил летать на высоких качелях в опасной близости от корявых и сучковатых деревьев, гонять пестрый мяч среди стволов в солнечной роще. Не очень любил учить историю открытия больших планет. Мог многих ребят обогнать в беге, но не очень умело плавал. Охотно вступал в любую игру, но не был никогда в ней первым. Лишь один раз он сделал то, что сможет не каждый.

Упругая ветка росшего на берегу куста сорвала с его рубашки значок. Золотой значок с синими звездами полетел в воду. Было видно в прозрачной воде, как он уходит в глубину. И тогда, не думая ни секунды, Нааль прыгнул с шестиметрового обрыва, чудом не задев нагроможденные внизу острые камни.

Скоро он выбрался на берег и, зажав в ладони значок, свободной рукой стал молча выжимать рубашку.

Никто не знал, откуда у него этот значок и почему он так им дорожит. Никто и не спрашивал. Ведь у каждого может быть своя тайна. После гибели родителей Нааль словно повзрослел и не всегда отвечал на вопросы сверстников.

Внешне ничего почти не изменилось в его жизни, когда он узнал про свое горе. Нааль и раньше большую часть времени жил в школе. Отец и мать были специалистами по изучению больших глубин и часто уходили в экспедиции. Но теперь мальчик знал, что никогда не вернется батискаф «Олень» и в конце аллеи не появится человек, к которому можно помчаться навстречу, позабыв про все на свете.

Проходили месяцы. Были тихие утренние часы школьных занятий, были дни, полные солнца, шумных игр и веселых дождей. Может, и забылось бы горе. Но однажды волны вынесли неизвестно откуда на берег у Старой лестницы маленькую голубую коробку. Нет, она не была памятью о погибшем батискафе...

Ночью, видя в окне оранжевые отблески Ратальских маяков, Нааль доставал из коробки смятый журнальный лист. Свет был не нужен, каждую строчку мальчик помнил наизусть. Это был очень старый журнал, изданный лет

триста назад. Текст, отпечатанный на листе, рассказывал о старте фотонного фрегата «Магеллан».

В учебнике по истории звездных полетов об этом корабле говорилось коротко и сухо: «Магеллан» ушел к одной из желтых звезд с целью отыскать планету, подобную Земле. Видимо, экипаж пользовался неточными сведениями о планете, полученными от гибнущего фрегата «Глобус». «Магеллан» должен был вернуться через сто двенадцать лет. Известий от него не поступало. Очевидно, молодые астролетчики, увлекшиеся легендой и не имеющие опыта, погибли, не достигнув цели».

В учебнике не было даже их имен. Нааль узнал их из найденного листка. Капитана звали Александр Снег.

Нааль слышал от отца, что один из его предков был астронавтом. И тогда, на берегу, прочитав имя «Снег», он почувствовал гордость и обиду. Обиду на учебник за скупые и, наверно, неправильные слова о космонавтах.

Мало ли почему мог погибнуть фрегат? И был ли виноват экипаж?

«А если они не нашли ничего у той желтой звезды и полетели дальше? А если они... летят до сих пор?» — подумал Нааль, споря со строчками учебника. Но, подумав так, вдруг зажмурился, словно испугался собственной мысли. Он отчетливо увидел длинную и густую аллею школьного парка, а в конце ее — высокого человека в серебристой куртке астронавта, человека, навстречу которому можно побежать, позабыв обо всем на свете.

А если он вернется? Он мог бы еще вернуться. Ведь никто не знает, до какой плотности сжал свое полетное время «Магеллан». Вдруг вернется фрегат? И тогда Нааль встретил бы не предка, не чужого человека из другого столетия. Он встретил бы брата. Потому что в конце журнального листа мальчик прочитал слова, сказанные кем-то экипажу «Магеллана»:

«Не забывайте старых имен. Вы вернетесь через много лет. Но внуки ваших друзей встретят вас, как друзья. Внуки ваших братьев станут вашими братьями...»

Нааль понимал, что все это просто фантазия. И все-таки отчетливо представлял, как это может случиться. Будет утро...

Он ясно видел это утро: яркое, уже высоко поднявшееся солнце и такое синее небо, что на белых зданиях, на

белых одеждах, на серебристом корпусе фрегата лежит голубой отблеск. Вспомогательные ракеты только что осторожно опустили корабль на поле космопорта. И он замер, опираясь на черные цилиндры фотонных отражателей, громадный звездный фрегат — сверкающая башня с черным гребнем длиной в полторы сотни метров. Четко выделяются на гребне старинные светлые буквы названия: «Магеллан». Нааль видит, как маленькие фигурки астролетчиков медленно спускаются по спиральному трапу. Сейчас космонавты ступят на землю и пойдут навстречу людям. Нааль встретит их первым, встанет впереди других. Он сразу спросит, кто из них Александр Снег. А потом... Нет, он не будет говорить много. Сначала просто назовет свое имя. Ведь он тоже Снег...

Нааль не привык скрывать свои радости и печали. Но об этом не сказал никому. Ведь, сам не желая того, он начал мечтать о чуде. А кто же станет верить в чудо? Но иногда по ночам, глядя на отблески маяков космодрома, Нааль доставал мятый листок. Ведь каждый имеет право на свою мечту, даже если она несбыточная.

Чудес не бывает. Но в силу странного совпадения в этом же году Пятая лоцманская станция приняла всколыхнувший всю планету позывной: «Земля... Дайте ответный сигнал. Я иду. Я «Магеллан».

4

Луна еще не вставала, но верхняя часть Энергетического Кольца уже поднялась над холмами крутой неправильной дугой. Его желтоватый рассеянный свет скользнул в окно и широкой полосой лег на ковер.

Нааль выключил наручный приемник. Новых сообщений не было. Но он не мог больше ждать. Мальчик колебался еще секунду, потом вскочил, мгновенно убрал постель и оделся. Бросив на плечо куртку, он подошел к окну. Окно было полуоткрыто. Оно никогда не закрывалось полностью, потому что снаружи, цепляясь крошечными шипами за карниз, пробрался в комнату пунцовый марсианский вьюнок. Тонкий стебель был бы перерезан, если бы стекло задвинули до конца.

За окном искрились в свете Кольца мокрые от недав-

него дождя кусты. Они бросали едва заметный зеленоватый отблеск на белые стены и широкие стекла школьных зданий. Над холмами вздрогнул и погас на редких облаках оранжевый луч: вновь сигналил кому-то Ратальский космодром.

Нааль отодвинул стекло и шагнул на тропинку.

Ректор школы Алексей Оскар еще не спал. Он читал. Свежий, пахнувший дождем воздух вошел в открывшуюся дверь и шевельнул книжные листы.

В двери стоял мальчик.

— Нааль?!

— Да...

Слегка сбиваясь и торопясь закончить разговор, Нааль впервые рассказал все.

Оскар встал и отвернулся к окну. Вопреки общему мнению, он не считал себя опытным педагогом. Просто была у него способность вовремя находить правильное решение. Но сейчас он растерялся. Что он мог сказать? Попробовать что-то объяснить, отговорить мальчика? Но можно ли отговорить? И будет ли он тогда прав?..

Ректор молчал, а время шло, и молчать дальше было нельзя.

— Слушай, Нааль,— начал ректор, не зная еще, что скажет дальше.— Сейчас... ночь...

— Оскар, отпусти меня на Берег Лета,— тихо сказал мальчик. Это не было даже просьбой. В голосе его послышалась тоска, похожая на ту непобедимую тоску по Земле, которая заставляет космонавтов совершать отчаянные поступки.

Есть вещи, перед которыми обычные понятия и правила бессильны. Что мог сказать Оскар? Только то, что уже ночь и надо бы выехать утром. Но какое это имело значение?

— Я отвезу тебя на станцию,— сказал Оскар.

— Не надо. Лучше я пойду. Один...

Мальчик ушел.

Оскар, подойдя к видеофону, вызвал Берег Лета и, набрав позывной лоцманской станции, отчаянно надавил клавишу срочного вызова. Никто не ответил. Лишь автомат успокоил: «Все благополучно».

НОЧНАЯ ДОРОГА

1

Лучше бы он не ходил этой дорогой!

Думая сократить путь, Нааль решил пройти к станции через холмы.

За четверть часа он добрался до перевала.

Над круглыми вершинами висела белая Луна в светлом эллипсе Энергетического Кольца. Справа медленно гасли и загорались Ратальские маяки. Слева, отчасти скрытые грядой невысоких холмов, сияли огни Консаты. Они раскинулись широкой дугой, а за ними стояла, слабо мерцая в лунном свете, туманная стена моря.

А вся долина была пересечена черной громадой Ратальского моста — старинной эстакады.

До сих пор Нааль не боялся встречи и ни в чем не сомневался. Слишком неожиданным и чудесным было сообщение о «Магеллане», и радость не оставила места для тревоги.

И тревоги не было до той минуты, пока Нааль не увидел эстакаду. Он не мог бы объяснить, почему появилось сомнение. Наверно, двухсотметровые арки, вставшие на пути, как исполинские ворота, были слишком мрачные и громадные. Они напоминали о непостижимой величине всего, что связано с космосом, о расстояниях, пройденных «Магелланом», о трех столетиях... «Внуки братьев станут вашими братьями!» Но мало ли кто какие слова говорил триста лет назад!..

Черные опоры эстакады стояли, как двойной строй атлантов, и молча спрашивали мальчишку: куда идет он? зачем? что за нелепые мысли у него в голове? Мальчик оглянулся, словно искал поддержку. Но огни Долины Юга скрылись за холмом.

Тогда он замер на миг и вдруг, рванувшись, побежал к эстакаде. Он мчался напрямик по высокой, еще сырой траве. Какое-то колючее растение оцарапало ему ногу. Нааль остановился, яростно вырвал его с корнем и побежал опять. Скорей, скорей, чтобы не догнала непонятная звенящая тревога! Сейчас он пересечет широкую полосу тени и минует черные ворота Ратальского моста...

Вагон кольцевого экспресса, идущего через Берг Лета на северную оконечность материка, был пуст. Нааль забрался с ногами в кресло и смотрел, как со скоростью пятисот километров в час пролетает за окнами темнота.

Нааль устал. В другое время он, конечно, заснул бы, но сейчас снова зазвенела, как надоедливая струна, тревога: «А если он ничего не скажет в ответ? Или подумает, что это просто шутка? И до мальчишки ли будет герою космоса, вернувшемуся на Землю через триста лет?»

Мальчик представил вдруг громадное поле космодрома, заполненное тысячами встречающих. Тысячи приветствий, тысячи протянутых для рукопожатия ладоней. А что будет делать там он? Что скажет?

И вдруг появилась мысль, что не надо ночевать в городе, ждать утра и приземления корабля. Надо обо всем сказать Александру сейчас. «Лоцман-5» держит связь с фрегатом. Станция в сорока километрах от Берега Лета. Ехать нужно еще пять минут.

Дождавшись очередного поворота, Нааль вышел на движущийся кольцевой перрон. Прыгая по замедляющим свой бег кругам, Нааль добрался до неподвижного центра и через тоннель вышел за платформы.

Перед ним лежало черное поле. Сзади горели неяркие огни перрона, далеко впереди светился синий шпиль лоцманской станции. Тихо шумел ветер. Этот шум почему-то успокоил мальчика. Раздвигая ногами высокую траву, Нааль побрел прямо на синий шпиль.

Здесь, видимо, тоже недавно прошел дождь. Мокрые листья липли к коленям. Ветер был теплым и влажным.

Скоро Нааль вышел на дорогу и зашагал быстрее. Ветер тоже быстрее полетел навстречу, стараясь сорвать с плеч мальчика легкую куртку.

Станция «Лоцман-5» уже давно отказывалась давать подробную информацию. На все запросы коротко отвечал автомат: «Все благополучно». Многие пытались на-

строиться на волну связи с кораблем, но не удавалось: никто не знал старинной системы передач.

Первое сообщение с приближающегося фотонного фрегата приняла промежуточная станция Юпитера. Но теперь у Земли уже была прямая связь с кораблем. Лоцманы не покидали станцию ни на минуту. Трое дежурили у векторного маяка, четвертый сидел здесь же, в кресле. Экипаж корабля уже передал управление Земле. Лоцманы должны были посадить фрегат на Береговой космодром.

Лишь несколько часов назад Сергей Костер установил с фрегатом двустороннюю звуковую связь. Но экипаж пока не передавал никаких сведений, кроме данных о системе автоматов, необходимых для приземления.

Лоцманы вывели корабль на круговую орбиту, и он повис над Землей, превратившись в спутник с суточным обращением. Сергей кончил передачу координат, когда Мигель Нувьос сказал:

— Кто-то второй час сигналил, просит ответить.

— Бессоница у кого-то, — не оборачиваясь, предположил Сергей. Он внимательно следил за вектором, пересекающим на светящейся карте черную точку космодрома.

— Срочный вызов, шесть отчаянных сигналов. Это не просто любопытство.

— Если что-то важное, почему не прямая связь?

— Не знаю...

Через несколько минут Сергей сам услышал гудок срочного вызова. Ни он, ни два других лоцмана, дежуривших у параллельных передатчиков, не могли подойти к видеофону.

— Миша, ответь в конце концов, — попросил Сергей. Но Мигель уже спал, полулежа в кресле.

Сигнал не повторялся.

Прошло еще полчаса. Автоматы корабля получили последнее задание. Сергей облегченно закрыл глаза. Но все равно плясала в глазах красная россыпь цифр, от усталости ломило веки.

В эту минуту кто-то тронул его за рукав. Лоцман отнял от глаз ладонь. Он увидел мальчика лет двенадцати, светловолосого и загорелого, в незастегнутой полосатой куртке, с золотым значком на светло-зеленой рубашке, со свежими царапинами на ногах.

Мальчик смотрел снизу вверх в лицо Сергея.

И, желая, видимо, все объяснить в одну минуту, он сказал несколько слов, смысл которых лоцман понял не сразу.

— О чем ты говоришь? Как ты попал сюда? — спросил Сергей.

А попал сюда он просто.

Подойдя к центральному зданию, Нааль сразу отыскал какую-то дверь и оказался в длинном узком коридоре. Гулко отдавались шаги. Пол, гладкий и блестящий, как стекло, отражал большие плафоны. Нааль шел по коридору, и снова начали стонать тревожные струнки, сливаясь в один ноющий звук. Снова нарастала тревога, и от волнения к горлу подступал комок. Нааль почувствовал, что сердце колотится беспорядочно, как прыгающий по ступеням мяч.

Коридор кончался крутым поворотом. Нааль поднялся по широкой лестнице, замер на секунду с поднятой рукой и, решившись, толкнул матовые, просвечивающие двери.

Он увидел круглый зал с низкими стенами и прозрачным куполом, расчерченным непонятными белыми линиями. Сквозь паутину этих линий смотрели звезды. Пол, выложенный белыми и черными ромбами, слегка поднимался к центру, где была небольшая площадка. Там, у черного конусообразного аппарата, стояли три человека. Люди у аппарата о чем-то говорили. Гулками, неестественными были их голоса. Нааль разобрал каждое слово, но не понял, о чем они говорят. Видимо, от усталости слегка кружилась голова. Все стало каким-то ненастоящим. Нааль прошел по бело-черным ромбам к центру, поднялся на площадку и взял за руку одного из лоцманов. Человек обернулся, и по удивленному взгляду Нааль понял, что тот не слышал его шагов.

Тогда, чтобы сразу объяснить все, мальчик сказал: — Я пришел встречать брата...

Все было как во сне. Нааль рассказывал и слышал, словно со стороны, как голос его звенит и теряется в громадном помещении. Он не помнил, долго ли говорил. Наверно, очень недолго. Мерцали лампочки на пультах у круглых стен, и синие змейки на экранах стремительно меняли свой рисунок.

— Скажи, лоцман, он не откажется, ответит? — спросил Нааль, стряхнув на миг оцепенение. Наступила короткая тишина. Потом кто-то произнес фразу, которая из-за своей простоты и обыкновенности никак не вязалась с тем, что происходило.

— Вот ведь какое дело...

Кто-то будил спящего:

— Миша! Мигель! Встань, слушай.

Быстро плясали на экранах молнии, и старший лоцман, которого звали Сергеем, вдруг сказал:

— Ты спишь, мальчик.

Он поднял его на руки и положил в широкое пушистое кресло. Но Нааль не спал. Он смотрел на пляшущие огоньки и слышал гудящие под куполом слова:

— Человек...

— Три столетия...

— Не испугался... А если нет?

— Он спит.

— Нет.

И тот, кто сказал «нет», спросил:

— Как тебя зовут, брат космонавта?

— Нааль.

Он не слышал повторного вопроса, но почувствовал, что лоцманы не поняли, и сказал:

— Натаниэль Снег.

— Снег...— отозвались голоса.

— Странное сочетание...

«Ничего странного,— хотел сказать Нааль.— Так называли меня в честь Натаниэля Лида, капитана батискафа «Свет»...»

Кто-то шевельнул кресло и произнес:

— Спит.

— Я не сплю,— сказал Нааль и открыл глаза.— Лоцман, ответил «Магеллан»?

Сергей наклонился к нему:

— Ты спи... Они сказали, что встретятся с тобой через неделю. Экипаж решил спуститься на десантной ракете в зону лесов... Видимо, не хотят они шумной встречи. тосковались по Земле, по ветру, по лесу. Через несколько дней пешком придут к Берегу Лета.

Сон быстро таял.

— А я? А людей... разве не хотят они встретиться?

— Ты не волнуйся,— сказал Сергей.— Ведь с тобой обещали встретиться через неделю.

Теперь Нааль увидел, что зал лоцманской станции не так уж велик. Погасли экраны. Небо над прозрачным куполом стало низким и туманным.

— Куда они спустятся? — спросил мальчик.

— Они просили не говорить об этом.

— А мне?

— Полуостров... Белый Мыс.

Нааль встал.

— Спи здесь до утра,— предложил Сергей.— Потом все решим.

— Нет. Я поеду домой.

— Я провожу.

— Нет.

Вот и кончилось все... Была глупая сказка, которой он поверил совсем зря. Триста лет...

Он не дослушал последних слов лоцмана и быстро пошел, потом побежал по черно-белым ромбам зала, по стеклянному полу коридора, по усыпанной гравием тропинке. Снова мальчик оказался в черном поле и пошел к далекому перрону. Шел он медленно. Куда теперь спешить? «Встретимся через неделю...» Если человек хочет встречи, он не станет ждать и часа.

4

Может быть, все так и кончилось бы. Но в сотне шагов от станции Нааль наткнулся на стоянку «пчел». И вдруг шевельнулась мысль, которая сначала показалась просто смешной. Но, пройдя метров десять, мальчик остановился. «Может быть, Александр не мог уже отменить решения о высадке, когда услышал обо всем от лоцмана? Ведь он не один?» — думал Нааль.

Чувствуя, как колотится сердце от вновь появившейся надежды, Нааль нерешительно подошел к аппаратам. Ему не хватало трех месяцев до двенадцати лет — возраста, когда разрешается самостоятельно водить «пчелу». Можно ли нарушить запрет?..

Все еще колеблясь, он сел в кабину и опустил защитный колпак. Потом проверил двигатель. Подбадривающе миг-

нули на доске управления желтые огоньки. Тогда Нааль поднял «пчелу» на горизонтальных винтах и сразу разогнал ее на северо-восток.

Высокая скорость позволит ему за два часа достигнуть Белого Мыса.

Он, наверно, заснул в полете. По крайней мере, полет показался Наалю очень коротким.

Думал он только об одном: «Подойду и скажу, кто я. Теперь все равно...»

Если он встретит равнодушный взгляд, он молча сядет в кабину и, подняв аппарат, уведет его на юго-запад.

Беда случилась, когда «пчела» пересекла тихий, отразивший звезды залив и летела к мысу над черным лесным массивом. Уже начал синеть восток, но в зените небо оставалось темным. Где-то там висел покинутый экипажем «Магеллан».

Нааль напрасно старался увидеть внизу огни или хотя бы темный конус десантной ракеты. Дважды он прошел до оконечности мыса над самыми вершинами деревьев. Потом стал слабеть двигатель. Аккумуляторы оказались израсходованными. Мальчик понял, что взял аппарат, который не был подготовлен к полету. Тогда, чтобы в последний раз осмотреть как можно шире темнеющий внизу лес, Нааль стал подниматься на горизонтальных винтах. Он поднимался до тех пор, пока не заглох двигатель. Винты остановились, и, выпустив крылья, «пчела» заскользила к земле.

Нааль поздно понял ошибку. Внизу тянулся сплошной лес. Приземлиться, планируя на крыльях, было невозможно.

Он почему-то не очень испугался. Глядя на проносящиеся под самыми крыльями деревья, Нааль постарался выровнять полет. Потом увидел перед собой черные вершины и машинально рванул тормоза. Был трескучий удар, несколько резких толчков, затем еще толчок, более мягкий. Туго ударила спинка сиденья, что-то твердое уперлось в плечо. К щеке прильнули какие-то сухие, пахучие стебельки. «Где же ракета?» — подумал мальчик и вытянулся на траве.

ЧЕТВЕРТОЕ СОЛНЦЕ

1

— Ни лоцманы, ни мальчик не знали, конечно, причины нашего странного решения, — сказал Александр. — Причиной была растерянность. Не простая растерянность, какую может вызвать неожиданное известие, а какая-то беспомощность и страх. Что мы могли ответить?..

Я не стану говорить о полете. Все они проходят одинаково, если не случится катастрофы. Работа, долгий сон в анабиозе... На Земле прошло полвека, а в корабле — около двенадцати лет, когда мы, обогнув по орбите Желтую Розу, подошли наконец к планете.

Мы испытали сначала горечь неудавшегося поиска. Перед нами была ледяная земля. Без жизни, без шума лесов, без плеска волн. Кутаясь в дымку холодного тумана, над ломаной чертой гор висело большое ярко-желтое солнце. Оно действительно было похоже на желтую розу. Розовым и желтым светом отливал замерзший океан. В расщелинах скал, в трещинах льда, в тени сумрачных обрывов застоялась густая синева. Лед... Холодный блеск... Тишина...

Единственное, что обрадовало нас, был воздух. Настоящий, почти земной воздух, только холодный, как вода из горного ключа. В первый же день мы сбросили шлемы и дышали сквозь стиснутые от холода зубы. Надоел нам химически чистый, пресный воздух корабельных отсеков. По-моему, как раз от него появляется та мучительная тоска по Земле, о которой страшно даже вспоминать! А там, на Снежной планете, мы перестали так остро ощущать эту тоску. Было что-то близкое человеку в этом ледяном, замороженном холодом мире, только поняли мы это не сразу. Покидая фрегат, каждый раз мы видели царство снега, камня и льда...

2

Они видели глубокие ущелья, в которых стоял голубой туман. Плоские и широкие солнечные лучи из оранжевых превращались в зеленые, когда попадали в ущелье сквозь

трещины отвесных стен. Они дробились на сотни изумрудных искр среди изломов льда. А если лучи достигали дна, там вспыхивали букетами фантастических огней сотни ледяных кристаллов.

По ночам за окнами «Магеллана» черной стеной стояло небо с изломанными контурами синих созвездий. Иногда желтоватым светом начинали мерцать высокие прозрачные облака. Этот свет струился по обледенелым склонам гор, выхватывая из темноты нагромождения скал.

И все-таки не была она мертвой, эта холодная планета. Случалось, что, закрыв оранжевое закатное солнце и стирая со льдов черные уродливые тени, с запада приходили тяжелые тучи. И начинал падать снег. Настоящий снег, как где-нибудь на берегу Карского моря или в районе антарктических городов. Он таял на ладонях, превращаясь в обычную воду. Потом вода становилась теплой.

А однажды в южном полушарии люди нашли долину, где не было снега, не было льда. Там были голые скалы, камни, серебристые от влаги, и гравий на берегу незамерзшего ручья. Среди скал, окруженный сотнями маленьких радуг, гремел сверкающий водопад. Он словно хотел разбудить уснувший в холоде мир.

Недалеко от водопада Кар увидел маленькое чернолистное растение, прилепившееся к скале. Кар снял перчатку и хотел потянуть тонкий узловатый стебель. А растение вдруг качнуло черными стрелками листьев и потянулось к руке человека. Кар машинально отдернул руку.

— Оставь, — посоветовал осторожный Ларсен. — Кто его знает...

Но Кар понял по-своему. На лице дрогнула скупая улыбка. Он провел ладонью над черным кустиком, и снова устремились к руке маленькие узкие листья.

— К теплу оно тянется, — негромко сказал Кар. Потом крикнул отставшему биологу: — Таэл! Наконец для тебя настоящая находка!

В тот момент штурман еще не понял всей важности открытия.

Вечером все собрались в кают-компании «Магеллана». Было их пять человек. Белокурый и широкоплечий Кнуд

Ларсен, добродушный и рассеянный во всем, что не имело отношения к вычислительным машинам. Два африканца: веселый маленький биолог Таэл и штурман Тэй Карат, которого называли всегда просто Кар. Пилот и астроном Георгий Рогов, светловолосый, как Ларсен, и смуглый, как африканцы, самый молодой в экипаже. И, наконец, Александр Снег, который был штурманом-разведчиком и художником. В последнее время он настолько был занят своими этюдами, что передал управление Кару.

Они собрались, и Кар сказал:

— Странная планета, не правда ли? Ясно одно: не будь оледенения, была бы жизнь. Солнце, то есть Желтая Роза, когда-нибудь растопит лед, это тоже ясно. Неизвестно лишь, сколько тысячелетий нужно для этого... Растопим лед сами?

Он предложил зажечь над Снежной планетой четыре искусственных солнца по системе академика Воронцова. Это была старая и довольно простая система. Такие атомные солнца зажигались на Земле еще в первые десятилетия после того, как люди, уничтожив оружие, смогли наконец всю ядерную энергию использовать для мирных дел. Как раз тогда и были растоплены льды Гренландии и береговых районов Антарктиды.

— Почему именно четыре? — спросил Георгий.

— Это минимум. Меньше четырех нельзя — не будет уничтожен весь лед, и вечная зима снова расползется по всей планете.

Однако на четыре солнца уйдет две трети оставшегося азота — звездного горючего. Значит, не смогут космонавты разогнать до нужной скорости корабль. Они вернутся на Землю не раньше, чем через двести пятьдесят лет. Большую часть полета экипаж вынужден будет провести в анабиозе. Двести пятьдесят лет... Но зато астронавты принесут людям планету, которая станет новым форпостом человечества в космосе. Не будет напрасным далекий поиск.

— Что для этого нужно? — спросил Ларсен.

— Согласие, — Кар оглядел всех.

— Да, — сказал Ларсен.

— Конечно! — воскликнул Таэл.

Георгий молча кивнул.

— Нет! — произнес вдруг Снег и встал.

Прошло несколько секунд удивленного молчания, и Снег заговорил.

Он говорил, как глупо делать из планеты инкубатор. Люди не должны бояться суровых льдов, борьбы с природой незнакомой планеты. Без борьбы жизнь теряет смысл... А вдруг погаснут искусственные солища прежде, чем сойдет весь лед? Что станет с первыми жителями Снежной планеты, если вдруг нагрянет опять вечная зима? Но пусть даже не погаснут солнца. Пусть сойдут льды. Что тогда увидят люди? Голые горы, равнины без лесов, серую пустыню...

Они слушали, и были мгновения, когда каждый хотел уже согласиться с товарищем. Даже не потому, что слова его казались убедительными. Убеждали горячность и настойчивость. Так спорил Снег всегда, когда чувствовал твердо свою правоту. Ведь с той же горячностью отстаивал он на Земле право полета к «своей звезде».

3

Помнили друзья, как он стоял в большой комнате Дворца Звезд перед бледным сухим человеком и говорил с яростной прямоотой:

— Я удивляюсь, как Союз астронавтов мог доверить решение такого вопроса вам одному, человеку, не умеющему верить в легенды!

Человек бледнел все сильнее, но его раздражение сказывалось лишь в легкой сбивчивости тихих ответов:

— Каждый юноша, побывав за орбитой Юпитера, считает себя подготовленным к свободному поиску и готов лететь хоть в центр Галактики. Это смешно. Вам кружат голову сказки о планетах Желтой Розы. Желтая Роза — коварная звезда. Заманчиво, конечно. Вечная истина: сказка привлекательна.

— Вы претендуете на знание вечных истин, но забыли одну: в каждой легенде есть зерно правды. Мы верим, что есть планеты...

Ротайс наклонил голову:

— Я позволю себе закончить бесполезный разговор. Не вижу у вас оснований претендовать на экспедицию свободного поиска... К тому же я очень огорчен, и мне

трудно говорить. Час назад разбился на гидролете Валентин Янтарь. Он дома сейчас, и я спешу к нему.

Видимо, он не очень спешил, потому что Александр, придя в дом старого астронавта, увидел там только врачей. Он узнал, что Янтарь отказался от операции.

— Летать я больше не смогу, а жизнь... Она была и так долгая, — заявил он.

Снег молча прошел в комнату, где лежал астронавт. Янтарь сказал растерявшемуся врачу:

— Прошу вас уйти.

В комнате был полумрак. Не от штор, а от густых зацветающих яблонь, которые закрыли окна. Александр подошел к постели. Янтарь был укрыт до самой шеи белым покрывалом. Поверх покрывала лежала спутанная светлая борода. Кровавая полоса тянулась через морщинистый лоб.

— Никто не поймет меня, кроме вас, — начал Александр, — остальные могут обвинить меня в бесчувственности, одержимости, эгоизме... Но мы можем говорить друг другу правду. Вы летать больше не будете.

— Так...

— Наш экипаж не пускают в поиск, — тихо сказал Александр. — Дайте нам ваше право второго полета... И мы полетим.

— На Леду? На мою планету? — Янтарь не пошевелил ни руками, ни головой, только радостно вспыхнули его глаза. — Вы решили?

В этот миг он увидел, наверное, синий мир так и не разгаданной до конца Леды, развалины бирюзовых городов и белые горы, вставшие над фиолетовыми грудями непроходимых лесов, окутанных ядовитым сизым туманом. Но необыкновенное видение исчезло. Снова возникло перед ним строгое и напряженное лицо Александра.

— Нет. Конечно, не на мою, — глухо произнес Янтарь.

— Каждому светит своя звезда, — сказал Снег.

Он сел у постели и коротко рассказал все: про последнее сообщение с «Глобуса» о загадке Желтой Розы, про план свободного поиска, который возник у пяти молодых астролетчиков, про последний разговор с Ротайсом.

— Леда ждет археологов. Мы же разведчики. Мы хотим найти планету, где воздух, как на Земле. Людям нужны такие планеты.

Янтарь закрыл глаза.

— Хорошо... Ваше право.

— Он не поверит,— возразил Александр, вспомнив бесстрастное бледное лицо Ротайса.

— Возьми мой значок. В синей раковине, на столе.

В раковине, найденной на Леде, лежал золотой значок с синими звездами и надписью «Поиск».

Александр взглянул на значок, потом на раненого астронавта. Впервые за эти дни ему изменила твердость. Он сжал зубы и опустил протянутую было руку.

— Возьми,— повторил Янтарь.— Ты прав. Выбей окно,— попросил он, когда Александр зажал в ладони значок.— Нет, не открывай, а разбей стекло... Оно старое, очень хрупкое... Хорошо,— сказал он, когда зазвенели осколки.

Александр выломал за окном большую ветку, и в комнату вошел солнечный луч.

— Счастливого старта! — проговорил Валентин Янтарь, усилием воли стараясь подавить нарастающую в груди боль.— Пусть вернется на Землю каждый из вас!

— Это удастся редко.

— Потому и желаю...

У выхода Снег встретил Ротайса и показал на раскрытой ладони значок. Ротайс слегка пожал плечами и наклонил голову. Это означало скрытое возмущение поступком молодого астролетчика и в то же время вынужденное согласие. Никто в Солнечной системе не мог отвергнуть права на второй полет: космонавт, открывший новую планету и вернувшийся на Землю, мог вторично отправиться в любую экспедицию и в любое время, на любом из готовых к старту кораблей. Он мог также уступить это право другому капитану.

В одну секунду Александр вспомнил вдруг лицо Янтаря — знаменитого капитана «Поиска», его морщинистый лоб с кровавой полосой и глаза, синие, словно отразившие фантастический мир Леды. «На Леду? На мою планету? Вы решили?» Но старый астронавт понял Александра. А Ротайс?

— Сообщите Восточному космопорту. Мы выбрали «Магеллан».

...Он больше всех сделал для этого полета. А улетать ему было труднее всех. У каждого на Земле оставались

родные. Но, кроме родных, у Снега оставалась девушка, у него одного.

Со стороны казалась странной эта молчаливая дружба. Их не часто видели вместе. Они редко говорили друг о друге. О любви их знали только друзья...

За неделю до старта Александр встретил ее в молодом солнечном саду, там, где сейчас Золотой парк Консаты. Ветер рвал листья, и солнце плясало на белом песке аллеи. Девушка молчала.

— Ты же знала: я астронавт,— сказал Снег.

Он умел быть спокойным.

Перед стартом он отдал ей золотой значок.

...Однажды, случайно заглянув в кают-компанию, Георгий увидел, как Снег достал и поставил перед собой маленький стереоснимок. Он смотрел на него не отрываясь. Молчал.

— Я убрал бы этот снимок навсегда,— сказал Георгий.

Александр взглянул на него не то с насмешкой, не то с удивлением.

— И думаешь, все забудется?

Он закрыл ладонью глаза, а потом несколькими резкими штрихами карандаша с удивительной точностью набросал на листе картона черты девушки.

— Вот так.

Шел восьмой год полета по собственному времени «Магеллана».

4

И вот теперь Александр Снег, больше всех рвавшийся в поиск, отстаивал ледяную планету, словно ее ждала гибель, а не возрождение.

— Серая пустыня, чахлые кустики! Льда не будет, а что останется? Мертвая земля, мертвые камни.

— Люди сделают все! — возразил Таэл.— Все, что надо, сделают люди.

— Но я не сказал еще одного,— продолжал Снег.— Нельзя отнимать у людей тот мир, который мы здесь нашли, потому что он прекрасен. Разве вы этого не поняли?

Он швырнул на стол свои этюды. Все затихли, снова увидев то, что видели раньше, но забывали, угнетенные

царством льда. Были удивительно точно схвачены краски. Черно-оранжевые закаты, голубые ущелья со светящимся туманом, утро, зажигающее золотые искры на изломах льда, желтое небо с нагромождением серых облаков...

Медленно шелестели листы. Наконец Кар сказал:

— Хорошо. Но нельзя же так — холод и смерть ради красоты. Зачем нужны мертвые льды?

— Не мертвые, — покачал головой Александр. — Есть в них и своя жизнь. Ветер, ручьи, кусты... Все здесь просыпается понемногу. Но нельзя спешить. Иначе будет пустыня.

— Не будет пустыни. Будет океан, синий и безграничный, как на Земле. На это хватит растопленного льда. Будут гремять водопады. Представь, Александр: тысячи серебристых водопадов среди скал и радужного тумана. Будет и суровая природа, будет и своя красота, но еще будет жизнь. Ведь такую планету мы и искали.

— Будет океан и заросшие лесами острова, — сказал тихо Таэл.

— Откуда леса? Разрастутся черные кустики?

— Люди посадят леса!

— На камне?

— Ты не прав, Саша, — негромко сказал молчавший до сих пор Георгий. — Вспомни Антарктиду.

Снег хотел возразить, но вдруг устало сел и проговорил:

— Ладно. Разве я спорю?

— Ты примешь участие в расчетах?

— В работе — да. Но не в расчетах. Какой из меня математик?

5

Они работали долгое время. Потом вывели на орбиты четыре десантные ракеты, окруженные сетью магнитных регуляторов. Автопилотов на ракетах не было. Кар и Ларсен сами садились в кабины, а потом выбрасывались в спасательных скафандрах. Так они делали дважды. Четыре ракеты со звездным горючим РЭ-202-эзаном стали как бы вершинами трехгранной пирамиды, внутри которой висела Снежная планета.

Никто не вспоминал о споре. Александр работал увлеченно. Он даже сделал расчеты, которые касались одного из искусственных солнц. Свое солнце было у каждого, кроме Кара, который взял на себя общий расчет и управление.

Когда кончился последний день работ, экипаж «Магеллана» собрался в ущелье, где была поставлена станция управления.

— Ну... боги, создающие весну...— излишне серьезно сказал Кар.

— Давай,— шумно выдохнул Таэл.

— Давать?

— Давай.

Дали сигнал.

Три экрана ослепительно вспыхнули. Потом проступили на них горы и нагромождения льда, освещенные двумя или тремя солнцами.

Четвертый экран бесстрастно белел непрозрачной поверхностью.

— Мое,— сказал Снег.

Четвертое солнце не зажглось.

Неизвестно, что случилось. Вероятно, была нарушена система магнитных регуляторов. Может быть, достаточно было малейшего толчка, удара метеорита-песчинки, чтобы солнце вспыхнуло через несколько секунд. Но много ли шансов, что в ракету попадет метеорит?

— Что за беда? Останется ледяная шапка, как когда-то в Антарктиде... Черт возьми, а ведь получится даже здорово: снежное плоскогорье имени Снега! — воскликнул простодушный Ларсен.

— Получится великолепно,— сухо сказал Александр.

Все неловко замолчали. Никому, конечно, не могло прийти в голову, что Снег нарочно сделал неправильный расчет. Но нужно же было так случиться, что именно его подстерегла неудача.

— Я поднимусь на ракете и реактивной струей разобью систему регуляторов,— негромко и твердо сказал Снег, когда они вернулись на «Магеллан».

— Ложимся спать,— предложил Кар.

— Ларсен, считай! — крикнул Снег.— Я докажу, что это возможно.

— Лечь спать?

— Разбить сдерживающую систему регуляторов и успеть уйти от вспышки.

Ларсен послушно сел за клавиатуру электронного мозга. Александр диктовал.

— Видите, в принципе это возможно,— произнес он, когда расчет был закончен.

— В принципе...— проговорил Ларсен.— Не валяй дурака, ты сгоришь.

— Пойдем спать, Саша,— сказал Георгий.— Все не так уж плохо.

Но все понимали, что плохо. Очень плохо...

Они истратили две трети эзана. Только через две с половиной сотни лет астронавты вернутся на Землю. Вернутся ни с чем. К тому времени холод снова зажмет Снежную планету в ледяные тиски. Когда-то еще снова прилетят сюда люди и зажгут атомные солнца? А ведь все было почти готово. Если бы не случилось ошибки, экипаж «Магеллана» принес бы на Землю известие о планете, которая пригодна для нормальной жизни. Людям нужны такие планеты — форпосты человечества в бескрайней вселенной, трамплины для новых, все более дальних прыжков.

Ночью их разбудил громкий сигнал вызова. Усиленный приемником голос Александра произнес:

— Я в ракете. Не сердитесь, ребята, надо попробовать.

— Саша,— сказал Георгий,— мы все просим: не надо. Черт с ней, с этой планетой. Вспомни Землю.

— Ничего не случится.

— Ты сгоришь.

— Нет.

— Снег! Я приказываю вернуться! — крикнул Кар.

— Не сердись, Кар... Но все-таки капитан я.

— Ты же сам хотел, чтобы планета осталась подо льдом,— робко сказал Ларсен.

Было слышно, как Александр усмехнулся.

— Это Кар виноват. Он хорошо рассказал об океане... о водопадах, островах. А я художник. Мне захотелось написать это.

Кар тихо выругался.

— Включи видеофон,— попросил Таэл.

Снег включил. Все увидели на экране его лицо. Он насвистывал что-то, склонившись над доской управления. Кажется, был спокоен.

— Будь осторожен,— сказал Георгий.

Снег кивнул, продолжая насвистывать.

— Перед самым возвращением на Землю! Зачем ты это делаешь? — с отчаянием сказал Кар.— А вдруг оно вспыхнет сразу?

— Ты же знаешь... Надо как-то до конца.

Гул двигателя прервал разговор. Изображение качнулось, затем стало видно лицо Александра, искаженное перегрузкой. Потом ускорение исчезло, и скорость стала падать.

На большой скорости Александр не мог развернуть ракету и ударить реактивной струей по регуляторам. Все молчали, не видя ничего, кроме напряженного лица Александра. Так было до того мгновения, когда экран залила белая вспышка...

6

— Как же тебе удалось спастись? — спросил я Александра.

Он взглянул исподлобья.

— В том-то и дело... Меня зовут Георгий Рогов. Снег погиб. Ты понимаешь, что мы почувствовали, когда лоцман передал нам о мальчике? На Земле отчаянно ждал брата маленький человек. Тебе, может, трудно понять. Но нам, столько лет не видевшим Земли и людей, были хорошо знакомы тоска и ожидание. Особенно тяжело, когда знаешь, что при встрече не увидишь ни одного знакомого лица. Триста лет... Даже имен не разыщешь. И вдруг — брат... Мы понимали мальчика, его тоску по родному человеку. И очень трудно было сказать правду. Невозможно.

Таэл оказался находчивей всех. Он дал станции ответ, позволяющий оттянуть время.

«Это не выход,— сказал Ларсен.— Что мы ответим ему потом?»

«Как зовут мальчика?» — спросил я.

Кар ответил. Затем взглянул на меня как-то странно. Но в тот момент ничего не сказал.

Двигатель десантной ракеты отказал у самой Земли. Мы выбросились в спасательных скафандрах.

Было еще темно. Только начинал пробиваться синий рассвет. Я не помню всего. Пахло сырыми листьями и землей. Таэл стоял, прижавшись темным лицом к белеющему в сумраке стволу березы. Ларсен лег на землю и сказал: «Смотри-ка! Трава...»

Я смотрел на небо. В нем вдруг быстро начала разгораться ярко-желтая заря, а зенит стал чисто-синим. И мне показалось, что небо звенит. Я никогда не знал, что оно может звенеть, как миллионы тонких певучих струн. Легкое облако у меня над головой медленно налилось розовым огнем... Я вдруг почувствовал ужас. Мне показалось, что это снова мучительный сон о Земле, который каждому из нас не давал покоя на Снежной планете. Страх этот был как удар тока. Я лег на траву. Зажмурился. Вцепился в корень какого-то куста. Корень был шершавый и мокрый...

Через секунду я разжал пальцы и открыл глаза. Синее небо снова звенело над лесом. И сквозь этот звон я услышал, как Ларсен опять сказал: «Смотри-ка! Листья...»

Потом взошло солнце.

Нааль смотрел на солнце сквозь траву. Он вспомнил все, даже видел краем глаза разбитую «пчелу», но не чувствовал ни волнения, ни запоздалого страха. Все, что случилось ночью, вспомнилось как путанный сон. Мальчик понимал теперь неосуществимость своей мечты.

Когда солнце поднялось настолько, что нижний край его касался головок высоких цветов, растущих на краю лужайки, Нааль встал. Слегка кружилась голова, болело ушибленное плечо. Но ему еще повезло. Амортизаторы бросили его в мягкую траву. Нааль заснул, не попытавшись даже подняться: настолько сильна была усталость.

Мальчик не торопясь огляделся. Спешить все равно было некуда. На сотню километров вокруг стоял лес. На ветру трепетали листья. Вдруг кто-то за спиной у мальчика сказал радостно и удивленно:

— Смотрите-ка! Человек!

Нааль обернулся на голос и замер. Он увидел людей в синих комбинезонах, в белом переплетении широких ремней.

Чувствуя, как замирает сердце, мальчик крикнул:

— Вы с «Магеллана»!

— Нааль...— сказал смуглый и светловолосый летчик.

— Я заметил его позже других,— сказал Георгий.— И странно: мне показалось, что я знаю этого мальчика. Может быть, вспомнил самого себя, каким был в детстве?.. Он стоял, весь подавшись нам навстречу. Маленький, светлоголовый, в рубашке, порванной на плече, с сухой травинкой, прилипшей к щеке, с ссадиной на колене... Он смотрел мне в лицо. Синие-синие, широко открытые глаза. Кажется, я назвал его по имени.

Кар неожиданно и громко сказал, подтолкнув меня в плечо: «Александр, встречай брата...»

— Может быть, я поступил эгоистично,— продолжал Георгий.— Но в тот момент я совсем забыл, что Нааль мне не брат. Надо понять, что значит встретить на Земле родного человека, когда вовсе этого не ждешь... Но постепенно все чаще стала приходиться мысль: имел ли я на это право?

Я не понял Георгия. Тогда он сказал:

— Александр зажег солнце. Последнее, необходимое для уничтожения льдов. Сейчас там океан, острова... Имел ли я право отнять у мальчика такого брата?

— Мертвого?

— Даже мертвого.

— Георгий,— спросил я,— мне трудно судить. Может быть, у Александра были другие причины для риска? Хотел ли он вернуться? Та девушка...

Георгий скупно улыбнулся. Видимо, мой вопрос он счел просто глупым.

— Хотел. Он очень любил Землю. Кто же не хочет вернуться на Землю?

Мы замолчали.

— Он все время насвистывал какую-то старинную песенку,— вдруг сказал Георгий.— Я знаю из нее лишь несколько слов:

Пусть Земля — это только горошина

В непроглядной космической тьме...

На Земле очень много хорошего...

Если все останется по-старому, — снова заговорил он, — будет, наверно, хуже. Я не только отнял брата у мальчика. Я отнял подвиг у Александра. Ведь никто не знает, как зажглось четвертое солнце.

— Ты отнял и у себя имя. Ведь Георгий Рогов считается погибшим.

— Мое имя не ценность.

— Тогда послушай мой совет. Ты просил его. Пусть все останется, как было. Четвертое солнце не погаснет от этого. Надо думать о Наале.

— О нем я и думаю все время... Но как же Снег?

— Когда-нибудь люди узнают про все... Кстати, ты помнишь лишь три строчки из песенки. Я знаю больше, ведь я историк. Это песня разведчиков Венеры. Вот последний куплет:

Тот, кто будет по нашим следам идти,
Помнит пусть на тропинках кривых:
Нам не надо ни славы, ни памяти,
Если звезды зажжем для живых.

— Но память об Александре, память о подвиге! То, что он сделал, — пример для живых. Может быть, и Наалу придется зажигать свое солнце.

Я взглянул на Георгия. Он ждал возражений. Он хотел их слышать, потому что они возвращали ему брата. Я сказал:

— Может быть... Но над какой планетой ему зажигать свое солнце? Научи его быть разведчиком, на то ты и брат. А солнце он зажжет сам...

Уже давно погас закат. Половина луны, опоясанная с одной стороны дугой Энергетического Кольца, низко висела над водой.

Топот ног по каменным ступеням прервал наш разговор. Впрочем, говорить больше было не о чем.

Они ушли, кивнув на прощанье. Астронавт крепко держал в руке маленькую ладонь брата.

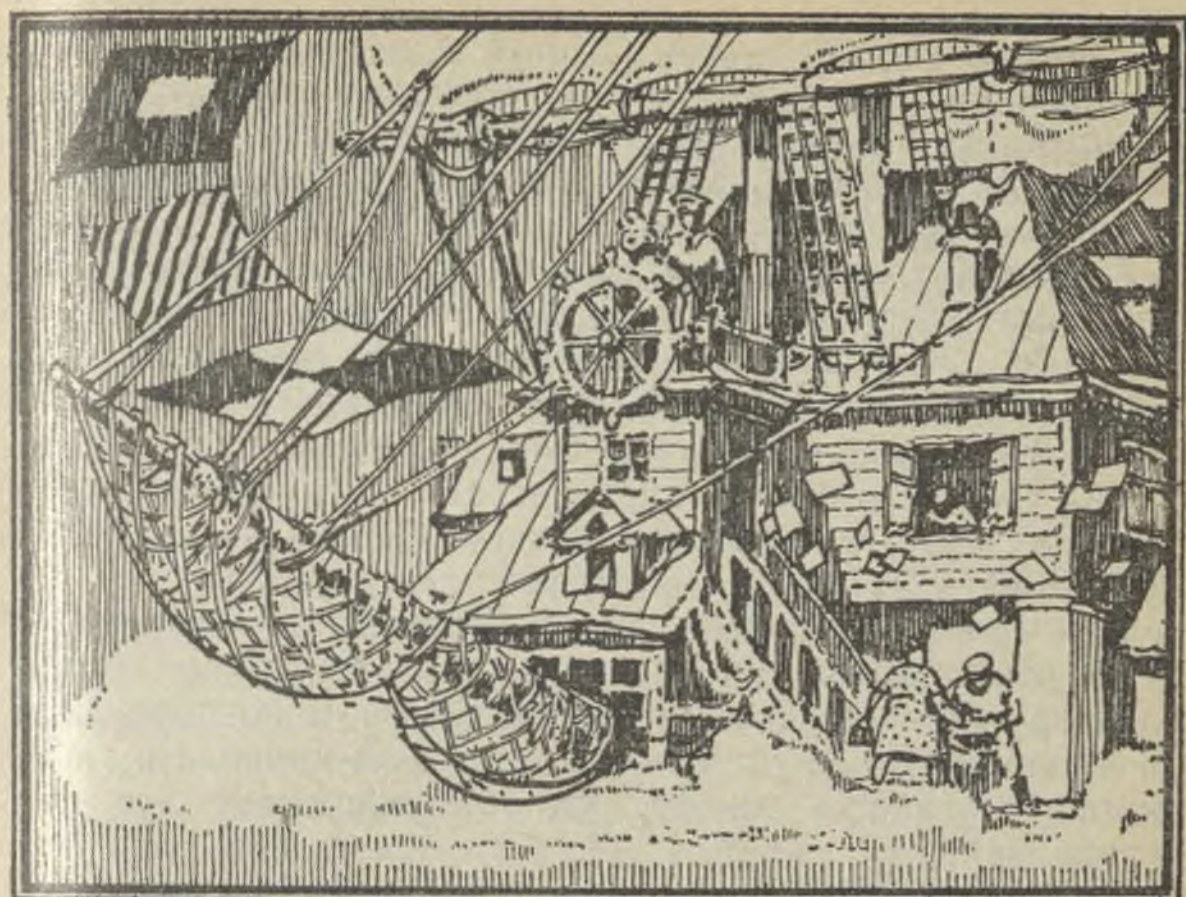
Передо мной на листе раскрытой тетради лежит золотой значок, история которого осталась неизвестной. Мне отдал его перед нашим стартом Нааль...

Мы, археологи, идем на Леду, на ту планету, тайну которой так и не раскрыл до конца Валентин Янтарь. Мы вернемся не скоро.

Может быть, и меня на Земле через восемьдесят лет встретит среди многих один, незнакомый пока человек — большой или маленький, все равно. И скажет своим друзьям:

— Я иду встречать брата!

СТАРЫЙ ДОМ

Этот случай принес много неприятностей товарищу Кычикову. Товарищ Кычиков был домоуправляющим. Неприятности у него бывали и раньше. В подъездах терялись мусорные ведра и веники. Однажды потерялся дворник дядя Митя, но потом нашелся. Пропали доски, привезенные для ремонта, и не нашлись (тоже была неприятность). Но чтобы исчез целый дом!.. Тем более, что в нем имелся жилец, не уплативший вовремя за квартиру.

Товарищ Кычиков не верил своим глазам. И другие товарищи сначала тоже не верили. Но хочешь — верь, хочешь — нет, а на углу улиц Садовой и Холодильной до сих пор пустое место. Летом оно зарастает одуванчиками, а зимой там ребяташки из детского сада номер двадцать восемь лепят снежных баб.

...Дом был небольшой. Старый и деревянный. Двухэтажный. Жили в нем разные люди: монтер Веточкин, который всем чинил электроплитки и любил играть в домино; фотограф по фамилии Кит, который фотографировал только на работе, а дома — никогда; очень застенчивый музыкант Соловейкин, который играл на трубе. Жила Аделаида Федоровна — женщина, считавшая, что ее все обижают. Жил Вовка — обыкновенный третьеклассник. Еще обитал в доме ничей котенок с удивительным именем — Акулич. И, кроме того, в квартире номер шесть проживал Петр Иванович. Днем он работал в конторе, а по вечерам писал жалобы. На всех по очереди. На монтера Веточкина — за то, что он чинит электроплитки, а телевизоры чинить не умеет. На музыканта Соловейкина — за то, что однажды он солнечным майским утром заиграл дома на трубе. На Вовку — за то, что он не поздоровался на лестнице. На Акулича — за то, что он ничей. На товарища Кычикова — за то, что он допускает все эти безобразия.

Ответы на жалобы иногда приходили с опозданием. Тогда Петр Иванович писал жалобы на тех, кто задерживает ответы.

У старого дома был свой характер. Одних жильцов дом любил, других — не очень. Иногда он бывал в хорошем настроении, весело хлопал дверьми, празднично звякал стеклами, посвистывал всеми щелями и даже в самые темные углы пускал солнечных зайчиков, за которыми охотился Акулич. Иногда дом сердился или скучал. Ступени сварливо скрипели, углы с кряхтеньем оседали, с потолков сыпались чешуйки мела.

Но не думайте, что дом был ворчлив и страдал болезнями. Грустил он редко, ревматизма у него не было, и он не боялся сырой погоды.

О том, что у дома есть характер, знали только Вовка и Акулич. Но Акулич никому про это не рассказывал, потому что не умел говорить. А Вовка не рассказывал, потому что некому было. О таких важных вещах говорят лишь самым надежным друзьям, которые все понимают. Но Вовкин друг Сеня Крабиков уехал. Насовсем. В город, который лежит у Очень Синего Моря. Иногда получается

в жизни так неправильно: живут два хороших друга, а потом вдруг один уезжает. Далеко-далеко. А второй остается. И обоим грустно. Ведь не так легко найти нового хорошего друга. Да если и найдешь, он не заменит старого.

Летом в доме появился новый жилец. Капитан Самого Дальнего Плавания, который вышел на пенсию. Это был настоящий Старый Капитан.

Как все старые капитаны, он курил большую трубку, скучал по морю и носил куртку с блестящими пуговицами и нашивками.

Он поселился в квартире номер пять у своей взрослой дочери. Дочь говорила, что очень рада. Она и в самом деле была рада. Но Капитан громко кашлял по ночам, и была у него привычка тяжело ходить из угла в угол. А со своей комнатой Капитан сделал что-то непонятное. Он развесил по стенам бело-синие морские карты и фотографии больших пароходов. Напротив двери он прибил портрет бородастого хмурого человека. А в углу у шкафа... Нет, вы только подумайте! Старый Капитан укрепил там на стене корабельный штурвал. А рядом поставил тумбочку с морским компасом. Компас был величиной с кастрюлю и назывался «компас». Тумбочку капитан сколотил сам. Называлась тумбочка «нактоуз».

В компасе не было видно стрелки. Вместо нее качалась на игле круглая шкала с маленькими цифрами и большими буквами: N, O, S, W. Шкала называлась «картушка». Учтите: не «катушка» и не «картошка», а «картушка». Сверху, по краю компаса, лежало широкое медное кольцо, а под ним — на белой внутренней стенке компаса — была черта. Курсовая черта. Раньше, когда компас находился на судне, черта смотрела вперед. Туда же, куда был устремлен нос корабля. А картушка всегда смотрела буквой N на север (под ней все-таки были спрятаны магнитные стрелки). Когда корабль поворачивал, курсовая черта поворачивалась тоже и скользила над числами картушки. А потом останавливалась и показывала курс: куда плывет корабль...

Дом — не пароход и не фрегат. Он стоит на месте. И поэтому черта, уткнувшись в стену, застыла на одном курсе: двести тридцать пять градусов. Это было немножко грустно...

...Конечно, Вовка быстро подружился со Старым Капитаном. Они оба любили сквозняки, фильмы про море, серьезные разговоры и приключения. Оба не любили рано ложиться спать, книжки, где только одна любовь, манную кашу и Аделаиду Федоровну.

По вечерам Вовка часто приходил к Старому Капитану. Он крутил штурвал, смотрел на компас и слушал Истории. Их рассказывал Капитан. Истории были разные: про извержение нового вулкана на острове Тристан д'Акунья, про Арктику, про ручного пингвина Семку, про плавание по Дуге Большого Круга, про Сингапур, тайфуны и последнего пиратского капитана Питера Гринхауза, который потом исправился и жил на маяке вдвоем с собакой по имени Ахтер-Буба.

Дом тоже слушал Истории. Он впитывал их щелями высохших бревен вместе с дымом капитанского табака.

Иногда приходил Акулич. Капитан давал ему сардельку. Акулич хватал ее поперек туловища, уволакивал под нактоуз и там урчал от аппетита. Это урчание напоминало отдаленный шум судовых машин.

Однажды, во время Истории про голубого кита и подводную лодку, поднялся за окнами ветер. Это был августовский ветер — предвестник осенних ветров. Хлопали ставни. Звякали стекла. Дом скрипел и шевелился. В квартире Петра Ивановича распахнулась форточка, и порыв ветра унес со стола все жалобы, написанные за этот вечер. В квартире музыканта Соловейкина сама собой тихонько заиграла труба. Замигали лампочки. Акулич притих под нактоузом. А картушка в компасе, покачавшись, вдруг медленно пошла вправо, и курсовая черта сползла на два градуса к югу.

— Мы поворачиваем, — сказал Вовка.

— Ну и дела, — сказал Старый Капитан. — А может быть, это Акулич сдвинул нактоуз?

— Не сдвигал он, — сказал Вовка. — И я не двигал.

— Не мог же повернуться дом, — сказал Капитан.

— Лишь бы не узнал товарищ Кычиков, — задумчиво сказал Вовка.

Дочь Старого Капитана купила телевизор. Она долго вздыхала и жаловалась, что его некуда поставить. Вот

когда этажерка стояла в том углу, где сейчас штурвал, в квартире было просторнее и уютнее...

Капитан послушал ее речи, подымял трубкой и подарил Вовке штурвал и компас с нактоузом.

У Вовки дома был свой угол. В нем Вовка играл солдатиками, мастерил подъемный кран и писал письма Сене Крабикову. Сюда же Вовку ставили за всякие провинности: просто другого свободного угла в квартире не было.

Вовка прикрепил штурвал и поставил нактоуз.

— Ну вот, — сказала мама. — Теперь стояние в углу превратится для него в сплошное удовольствие.

— Не превратится, — успокоил отец. — Такие игры быстро надоедают.

Угол был на том же месте, что и в комнате Капитана. Только не на втором этаже, а на первом. Картушка покачалась и застыла. Курсовая черта снова замерла над делением двести тридцать пять градусов. Вернее, уже двести тридцать три. А еще точнее — двести тридцать два с половиной.

Вовка любил разглядывать стены в комнате Старого Капитана. Любил морские карты, совсем не похожие на те, что в учебниках, любил фотографии пароходов. Любил даже большого крючконосого идола, которого Капитан привез из Африки.

И только портрет бородатого человека не нравился Вовке.

Лицо бородатого человека было неприветливым. Одну щеку от глаза до губы пересекал шрам. Человек смотрел на Вовку (а может быть, мимо Вовки) угрюмо и неодобрительно. И Вовка прятал глаза.

Один раз он спросил:

— Это кто? Писатель?

— Нет, что ты, — сказал Старый Капитан.

— А кто? Путешественник?

— Путешественник? Да, пожалуй...

— Знаменитый?

— Ну, нет... Пожалуй, не знаменитый.

— Нисколько?

— Наверное, нисколько. Но какая разница? — сказал Старый Капитан.

— Если не знаменитый, тогда зачем он здесь? — сумрачно спросил Вовка. — Такой некрасивый и сердитый...

Старый Капитан удивленно взглянул на Вовку. Потом долго смотрел на портрет.

— Нет, — сказал он уверенно. — Неправда. Это мой Лучший Друг. Лучшие друзья не бывают сердитые и некрасивые.

Тогда Вовка поднял глаза и тоже стал смотреть на портрет.

А дома Вовка вырвал из тетради листок и достал цветные карандаши. Он не умел хорошо рисовать, но сейчас посидел с закрытыми глазами и все как следует вспомнил.

Вовка нарисовал желтые, как пшеница, волосы и коричневые глаза. Потом нарисовал большой смеющийся рот и немножко оттопыренные уши. И получился портрет Сени Крабикова. Вовка взял четыре кнопки и приколот портрет в углу над штурвалом.

И, наверное, Вовка задел нактоуз. Потому что картушка качнулась, и курсовая черта перешла еще на два градуса к зюйду.

Стоял очень теплый сентябрь. И деревья были еще зеленые, и цвели в канавах мелкие аптечные ромашки. Только синий цвет неба стал чище и плотней, чем летом. И в этой синеве пролетали иногда над городской окраиной неровные треугольники гусиных стай. Это молодые птицы учились искусству полета перед трудным и дальним путем.

Щурясь от солнца, Капитан и Вовка смотрели из окошка на птиц. Старый Капитан достал из ящика стола стопку разноцветных флагов и сказал:

— Хорошо им, молодым. Но первый рейс — всегда нелегкий. Давай поднимем для них морской сигнал «Счастливого пути».

Вовка подпрыгнул:

— Давайте!

Из форточки они забросили на антенну телевизора бельевую веревку. И на этой веревке подняли над крышей флаги:

один — синий с белым прямоугольником посередине; второй — красный с желтыми косыми полосками;

третий — с квадратами, как на шахматной доске: два белых и два красных.

Солнечный ветер подхватил флаги, и они захлопали, как большие крылья.

Но через полчаса к Старому Капитану постучал товарищ Кычиков.

— Я, конечно, извиняюсь, — сказал он. — Здравствуй-те. Вы только поймите меня правильно. Мне лично все равно, висят эти флаги или нет. Но с начальством получатся неприятности. Нет у нас в домоуправлении такого порядка, чтобы, значит, морские флаги. Без особого распоряжения...

— Ну, нет так нет... — вздохнул Старый Капитан. — Ничего не поделаешь.

— Вы только поймите меня правильно, — снова сказал товарищ Кычиков. — Неприятности...

Потом он спускался по лестнице, и дом сердито гудел и потрескивал. Он был, видимо, недоволен.

— Ничего, — сказал Вовка, чтобы утешить Капитана. — Птицы все равно уже видели сигнал. Это факт.

Они хотели снять флаги. Но конец веревки выскользнул из форточки и качался на ветру. Нельзя было до него дотянуться.

Вовка выскочил во двор. Его, конечно, не волновало, что у товарища Кычикова могут быть неприятности. Но он не хотел, чтобы неприятности были у Старого Капитана.

По шаткой приставной лестнице Вовка забрался на крышу. Это было страшно. Крыша оказалась очень высокой и очень крутой. И ветер здесь гудел сильнее, чем внизу. Но Вовка вел себя смело. Он все же добрался до антенны и снял флаги, хотя два раза чуть не покатился кубарем и ободрал о ржавое железо оба колена.

Прежде чем спуститься, Вовка посмотрел на горизонт. Горизонт был дымчато-синим, словно там стояло туманное море.

Старый Капитан сначала рассердился на Вовку: ведь тот мог свалиться и сломать шею. Но потом он сказал, что Вовка — молодец.

Капитан забинтовал Вовке колени и подарил за смелость старинный морской бинокль с медными ободками у стекол.

Вы представляете, как был счастлив Вовка!

Прежде всего он еще раз слазил на крышу и осмотрел весь горизонт. Правда, моря он не увидел, но настроение от этого не испортилось.

Весь вечер Вовка не выпускал бинокль из ладоней. Он рассматривал ближние дома и улицы. Разглядывал в бинокль прохожих. Смотрел на себя сквозь него в зеркало. И даже котлету в тарелке пытался рассмотреть таким же способом.

А потом Вовка открыл в бинокле одно свойство: если смотреть в него наоборот, все близкое кажется далеким. Комната превращается в длинный коридор, потолок убегает на звездную высоту, а котенок Акулич делается крошечным, как муха.

А когда Вовка смотрел на свои ноги, они становились тонкими и такими длинными, что бинты на коленях казались белыми точками. А тротуар казался просто ниточкой.

Попробуйте пройти по такой ниточке на таких высоченных ногах! Вовка вышел за калитку и попробовал. Его сразу же зашатало, как неумелого канатоходца. Но зато было интересно.

Жаль только, что Вовка смотрел в бинокль и, кроме ног, ничего не видел. Именно поэтому он стукнул головой Аделаиду Федоровну, которая возвращалась с работы.

Представляете, что тут было?

Аделаида Федоровна сказала, что она всегда считала Вовку невоспитанным ребенком, но не думала, что он решится на Такое Хулиганство.

Конечно, она пошла к Вовкиным родителям и наябедничала. Она сказала, что это сверхвозмутительно, когда дети, как сумасшедшие, кидаются на больных людей и чуть не ломают им ребра.

И родители велели Вовке идти и как следует просить прощения.

Вовка устался в пол и сказал:

— Не пойду. Я уже один раз сказал «простите», когда стукнулся. А она еще ябедничает...

— Я вот покажу тебе «не пойду»! — сказал отец.

— Будешь стоять в углу, пока не извинишься, — сказала мама.

— Ну и пожалуйста,— сказал Вовка. И начал стоять в углу.

Он не смотрел телевизор. Не ужинал. Не читал книжку «Водители фрегатов». Он стоял, прижимаясь лбом к теплomu дереву штурвала, и вспоминал, как полоскались на ветру флаги.

А наверху кашлял и шагал из угла в угол Старый Капитан. Может быть, он огорчился, что Вовка не зашел к нему в этот вечер. А может быть, просто сильно тосковал о море.

— Ну, довольно,— не выдержала мама.— Отправляйся спать. А завтра извинишься перед Аделаидой Федоровной.

— Не извинюсь,— сказал Вовка.

— Будешь стоять всю ночь,— пригрозил отец.

— Буду.

— Ну и стой!

Конечно, родители думали так: захочет Вовка спать и все равно отправится в постель.

Но Вовка не отправился. У него появилась гордость. Ведь он был уже немного капитаном: он умел обращаться с компасом, держал в руках настоящий штурвал и поднимал на ветер морские флаги.

Когда был выключен свет и наступила тишина, Вовка зажег лампочку нактоуза и осветил картушку. Она вела себя беспокойно.

Вовка взял в ладони рукоятки штурвала.

Сеня Крабиков смотрел на Вовку с портрета.

— Очень хочу к тебе,— сказал Вовка.

Сеня Крабиков улыбался.

За окнами нарастал ветер.

Вовка сел на пол, прислонился к нактоузу и уткнулся лбом в забинтованные колени.

Он уснул.

И все в доме уснули.

Спал Петр Иванович, и ему снилось, что на все его жалобы пришел Положительный Ответ.

Спал Старый Капитан. Ему снилось, что на шведском судне «Викинг» загорелись тюки с джутовым волокном, и надо спешить на помощь.

Музыкант Соловейкин видел, будто он выступает с концертом в пионерском лагере, и улыбался.

Аделаиде Федоровне снилась всякая неразбериха.

А Вовке?

Вовка видел, будто в светлую луговую речку зашел с дальнего моря громадный пароход. У него был высокий черный корпус, блестящие иллюминаторы, многоэтажные белые надстройки и желтые мачты. Пароход заполнил собой речку от берега до берега. Он двигался медленно и бесшумно, и его борта нависали над солнечными травами. Крупные ромашки ласково касались бортов лепестками.

А дом не спал. Он ждал, когда с ночной прогулки явится Акулич.

Акулич явился.

Больше ждать было нечего.

Дом уже ничего не скрывал и не таился.

Он приподнял со скрипом один угол, потом другой, медленно повернулся. Звякнув, лопнули провода. Теперь ни одна нитка не держала дом на месте. Он качнулся, двинулся вперед, расшатывая кирпичи фундамента. А потом перестал вздрагивать и бесшумно, как в немом фильме, поднялся в воздух...

Зачем он это сделал?

Ну, во-первых, он любил Вовку. Любил Старого Капитана. А во-вторых, его построили из бревен, которые были когда-то прямыми и высокими соснами. Их называют корабельными. Эти сосны мечтали стать мачтами барков и бригантин. Потом, улегшись в сруб, они задремали и забыли о мечтах. Старый Капитан разбудил их своими Историями...

А может быть, дело в другом. Говорят, что, если в доме появляются штурвал и компас, дом понемногу становится кораблем. Его тихо разворачивает курсовой чертой к зюйду — в ту сторону, где теплые моря и Ревущие Сороковые Широты.

И не известно, чем это кончится, если не вмешается домоуправление.

Итак, дом поднялся и полетел на юг. Он летел под самыми облаками, среди которых мчалась круглая белая

луна. Лунные пятна проскальзывали в щели и прыгали по морде Акулича, который спал в коридоре. Акулич дергал ушами.

А внизу по темным травмам стремительно скользила большая квадратная тень...

Вовка проснулся от непонятного ощущения. Ему показалось, что за ночь комната сделалась шире и выше. Ее заполнял удивительный синий свет, пересыпанный солнечными бликами. За стенами дома нарастал и откатывался незнакомый и в то же время очень знакомый рокот.

Вовка подбежал к окну.

Изумленными синими глазами он смотрел на Очень Синее Море, которое катило на песок волны. Волны были с шипучими белыми гребешками, их гнал к берегу Утренний Ветер.

Вовка чуть-чуть не заплакал, засмеялся и, распахнув створки, прыгнул навстречу.

Распластанная по песку волна сейчас же залила его сандалии и добралась почти до колен. У ног завертелся царапающий вихрь мелких камушков и песчинок. Убегая, волна мягко потянула Вовку за собой, но тут накатила другая.

Вода была теплая и упругая, а ветер прохладный и плотный, но очень добрый. Он поставил торчком отросший Вовкин чубчик, вытащил из-за пояса и надул парусом его рубашку. Вовка повернул к ветру ладони. Они покрылись брызгами, похожими на стеклянную пыль.

Над морем косо расчерчивали воздух чайки. Они удивленно кричали. Конечно, они удивлялись не Вовке: мало ли мальчишек бродит по берегу. Чайкам было непонятно, откуда взялся на берегу старинный бревенчатый дом.

Вовка оглянулся.

Дом стоял, зарывшись одним углом в песок. Он еще не совсем замер после движения, поскрипывал и оседал. Под бревнами хрустели ракушки. Стекла сверкали синим отблеском волн.

— Это сверхвозмутительно! — донесся со второго этажа голос Аделаиды Федоровны. — Я теперь опоздаю в поликлинику! Это все ваши фокусы, товарищ Капитан Самого Дальнего Плаванья!

Старый Капитан не отвечал. Под его шагами весело пела лестница: он спускался к морю, чтобы поздороваться с волнами и Утренним Ветром.

За тюлевой шторкой маячила согнутая у стола фигура Петра Ивановича. Наверное, он составлял план жалобы в Управление Всех Морей и Океанов.

На крыльце сидел Акулич. Он вышел на воздух, чтобы умыться, и очень удивился. Иногда он взъерошивал спину и замахивался лапой на гривастые волны.

